

みんなくりポジトリ

国立民族学博物館学術情報リポジトリ National Museum of Ethnology

З а м е т к и п о м а р ш р у т у
Г о б и й с к о й э к с п е д и ц и и 1930
г о д а (И с п р а в л е н ы и
с н а б ж е н ы п р и м е ч а н и я м и в
1935 г о д у)

メタデータ	言語: rus 出版者: 公開日: 2018-02-19 キーワード (Ja): キーワード (En): 作成者: А.Д., С и м у к о в メールアドレス: 所属:
URL	https://doi.org/10.15021/00008771

А.Симуков

**Заметки по маршруту
Гобийской экспедиции 1930 года
(Исправлены и снабжены примечаниями в 1935 году)**

В состав этой экспедиции вошли: автор, как руководитель, Ф.Ф.Большаков (топограф), В.Балашова (коллектор), В.Марчук (рабочий) и шофер А.Вагапов.

Многю был намечен следующий маршрут: Уланбатор – мон. Байшинту (Гурбан сайхан) – Гурбан цээрдэ – г. Хояр улцэйту – Уланбатор.

Экспедиция выехала на автомобиле “Додж” 9/VII, в 16 часов 20 минут, под проливным дождем, иногда прекращавшимся.

Тургэн гол, сухой в месте переезда в нормальное время, шумел, но мы перебрались через него без затруднений. Довольно поздно, после заката, спустились к Бухуг голу. Машина шла по сырой земле очень тяжело. По степи резала колесами и на ровном месте нужна была 2-ая, а иногда и 1-ая скорости. По долине Бухуга довольно редко были разбросаны аилы. Ночь выдалась без дождя, с участками ясного неба. К утру же снова затянуло и моросил дождь. Бухуг, несмотря на большую воду, переехали хорошо. На другой стороне по дороге трясины нет. Почва глинистая и есть глубокие колдобины. Подъем по пади к Ганга даба был нелегок, несмотря на пологость, из-за сырости почвы.

Трава на всем участке Уланбатор – Ганга даба в прекрасном виде, вследствие обильных дождей. Чуть ли не основной фон дает вострец и, следовательно, качество корма очень высоко.

По Шарахай хундэй почва стала заметно суше и автомобиль сразу пошел быстрее. Дождя здесь выпало несомненно меньше, хотя травы были тоже очень хороши. Встретились первые цээрэ. По всему участку отмечено значительное количество пернатых хищников: степные орлы, сарычи и пр. В начале Шарахай хундэй встречена пара крупных соколов (типа *Falco cherrug*), из которых убита самка. Далее, в холмах, брали воду из колодца. Глубина водоносного слоя приблизительно 1,5 метра. Около Цзоргол хайрхана обедали. Здесь (немного раньше) мы выехали из-под циклона и увидели солнце. Около скал убиты *Monticola saxatilis* и *Saxicola*

pleshanka. По скалам у Хайрхана растет порядочный ильмовник (*Ulmus sp.*), толщиной в ногу. Из расспросов я узнал, что дожди (и небольшие) прошли недавно, а до того было сухо.

В большой Адацагской степи к югу от Хайрхана мы пересекли участок с очень плохой, выгоревшей травой, в дальнейшем ставшей гораздо лучше. Снова встретились цээрэ и впервые бульдруки, здесь гнездящиеся (отмечены нелетающие птенцы). Общий характер степи – преимущественно злаковая с примесью полыни. Отмечены тарабаганы (в небольшом, сравнительно, числе) на равнине. На ночлег встали на кол. Баян хошу.

Типичная для Средне-Халхасской возвышенности картина. Ложбина с дэрисом, недалеко солончак, на склоне колодец, рядом на бугре каменистые выходы.

В этот день население было встречено в вершине пади к Ганга даба, на южном его склоне, близ Цзоргол хайрхана, вдали под Адацагом и близ стоянки в Баян хошу.

Вечером начало снова надвигаться с С.-З. Над Уланбатором, вероятно, шли повторные дожди.

11/VII

Выехали около 7 часов. На подъеме проехали участок почти чистой луковой степи. Лук был сплошь в цвету. Далее снова пошла преимущественно злаковая степь с богатой примесью ковыля. Много прошлогоднего ковыля. К Ухтал Сангин Далаю корма пошли хуже. Дождь в этом районе прошел поздний и малый. В перегоне за Сангин далаем появились *Phrynoscephalus*'ы. В разных местах все время попадались цээрэ и боцзолаги. Последние – один из видов суслика. Часто попадались участки караганной степи. В травяном покрове явно преобладают злаки. Около Дэлгэр хангая встретились первые тойримы. С травой все хуже и хуже. Последний участок под Хошу хидом – изумительная дорога по очень бедной равнине уже пустынного характера. Здесь появился багалур. Против Дэлгэр хангая на тойрime – хармаг по буграм. Основываясь на вышеприведенных признаках (граница тарбаганов, граница ящериц, не принимая во внимание лишь злаков) можно считать северную окраину хошуна Дэлгэр хангай полосой скорее полупустынной, нежели степной. В Хошу хиде меня ожидала новость: Онгиин гол течет уже в продолжении 7-8 дней. Сюда он не докатывался, кажется, 4-5 лет. Ночевали мы несколько ниже монастыря, на берегу реки, в песчаных буграх с дэрисуном¹⁾.

1) О районе Сангин Далая и Хошу хиды см. работу Б.Б.Полынова и В.И.Лисовского

12/VII

Утром выбрались на левобережную террасу и покатали по изумительной дороге. Чем дальше вниз, тем чаще стал попадаться багалур, свежий, очевидно, недавно появившийся. Завиднелись Сайханы. На песчаном пространстве перед плоской возвышенностью Баян тэг пришлось ехать напрямки – не нашли отворота с большой дороги. Здесь залегают песчаная пустыня, густо поросшая типичными кустарниками, вплоть до мелкого саксаула. С Баян тэга той же кустарниковой пустыней, более редко насаженной, спустились к тойриму, находящемуся к востоку от Онгиин улан нура, где подняли первую хара-сульту (*Antilope subgutturosa*). Далее хара-сульты попадались все время. Около тойрима в аиле я расспрашивал о засухе. Дожди здесь и далее к югу прошли лишь незадолго до нашего проезда, до того же была засуха. Теперь трава поправилась и пустыня зеленела. Не доезжая Баян цзага, на песчаном подъеме мы окончательно сожгли диски сцепления, подорванные еще Баян тэгскими песками, и застряли до следующего утра. Из-за позднего дождя луки, например, вылезли недавно и только собирались цвести.

В район нашей дороги из Шанхай-ульского хошуна, где была засуха, никто не перекочевывал. Говорили, что много народу скочевало к Годли балгасу и Мани голу у Цзун сайхана. Кругом кое-где в этот день прошли хорошие дожди с грозой.

13/VII

С машиной мы провозились до обеда. Я сфотографировал ряд растений. Затем тронулись дальше. Почти без остановки проехали Баян цзаг²⁾ и выехали к ключу Дала. Воды в нем, по-моему, в этом 1930 г. было больше, чем в 1929 г. На ключе стояло до десятка юрт. Ключ Дала течет из под террасы, окружен в начале дэрисуном, ирисом и т.п. Невдалеке от него я застрелил цаган цээрэ. На перевал Халга поехали прямой дорогой. Подъем по бэлю отличный, твердый, равномерный, без оврагов. Корма были вполне хороши. Кое-где были видны юрты. Сзади нас очень медленно догонял сухой туман. Остановились у колодца Амаин усу. Он находится в правом от дороги боковом ущельице, непосредственно под хребтом Халга, среди размытых пластов песчаника (?). Воды много, и

“Рекогносцировочные исследования в области Северной Гоби”. АН СССР, мат. комиссии по иссл. Монг. и Тув. Народ. Респуб. и БМ АССР, вып. 9.

Через Хошу хид шел еще П.К.Козлов в 1908 году.

2) Одно из мест работ американской экспедиции Р.Ч.Эндрюса 1925 года.

вода хорошая.

14/VII

Утром стали подыматься дальше. Оказывается, не зря существует окружная к востоку дорога, так как из ущелья к перевалу надо выбираться по крутому мысу. Наша машина с трудом взяла первый взлобок, а дальше пришлось разгружаться, втаскивать вещи наверх, а авто задним ходом едва залез наверх при нашей помощи³⁾.

Дальше пошло легко, а вниз с перевала и совсем хорошо. До самого Байшинту докатили быстро. Л.С.Пучковский встретил нас за монастырем⁴⁾. Устроившись, мы с ним и с Ф.Большаковым в качестве шофера покатали по Цончжиин цзам в тамаган, перекочевавший в 1930 г. в Баян тухум⁵⁾. Дорога отличная. На самой дороге от Баян далай до Тухума воды нет. В тамагане, поговорив предварительно о делах, я учел возможность побывать в хр. Баян цаган; часов в 10 вечера пришли 4 коня при двух людях и мы отправились вверх по крутейшему и очень каменистому бэлю.

Но о поездке этой ниже. Вернулись в тамаган около двух часов пополудни следующего дня. Закончив окончательно все разговоры, под вечер мы двинулись обратно и приехали в Байшинту довольно поздно, уже в темноте. Следующий день (16/VII) был посвящен делам, касавшимся Л.С.Пучковского, вечер – кое-какой укладке, а 17-го, уже в четвертом часу дня мы смогли выехать. Сначала заехали в Баян далай к проводнику нашему Бацзару и далее покатали на восток по Цончжиин цзам. Дорога очень хороша. Несколько в стороне остались колодцы Утугэр, Чжимагэр и Чиндамани⁶⁾. От вулканического холма Чиндамани с большим обо на нем, мы свернули наискось к северу, чтобы попасть к подножью Цзун сайхана. Бэль ровен, глубоких оврагов нет, камня мало. До подножья доехали легко. Остановились в ущелье Шара амаа у колодца.

18-го утром я с Ф.Большаковым сделал экскурсию в высокогорную часть.

3) Впоследствии выяснилось, что мы поднимались не в том месте где следовало.

4) Студент Л.С.Пучковский был оставлен в мон. Байшинту нашей экспедицией 1929 года для производства стационарных метеорологических наблюдений в течение одного года. В 1930-м году я забрал его в Уланбатор и снял метеорологическую станцию в Байшинту.

5) До этого хошунное управление находилось у мон. Цаган дэрэсу на южном склоне Цзолэна.

6) Через Баян тухум и здесь проходил в 1899 году А.Н.Казнаков, а около Чиндамани – П.К.Козлов (см. ниже о его астрономическом пункте).

Из географических добавлений: кол. Шинэ хобур (астрономический пункт П.К.Козлова) теперь называется Баян хобур. Он находится к югу от холма Чиндамани. Последний холм – вулканический. Бэль Цзун сайхана пологий, ровный, не каменист. Хребет Цзун сайхан широк. В нем можно различить следующие части: северная гряда – довольно высокая и скалистая, средняя часть ее особенно богата скалами, местами труднодоступна и носит название “Йола”. Западная часть и центр – низкие, частью холмообразные горы, местами имеющие характер почти “царама”,⁷⁾ иногда скалистые. Южная часть – изрезанная, отдельная, высокая группа. Высшая точка – Хошу обо. Кроме нее сильно выдается седлообразная весьма крутая и скалистая сопка Агцза. Подъем на Хошу обо весьма легок с запада по ущелью, устье которого называется Шара амааа. Кроме колодца того же названия в этом ущелье есть колодец Булаган хошу, а почти у западного подножья Хошу обо – ключ Ара шанда. Несколько восточнее его в соседнем ущелье – ключ Бумба. Чуть в стороне от Шара амааа, к С.-З от Агцзы – маленький ключ Сучжи. Над бэлем к западу от кол. Шара амааа, км в 2-3 – кол. Баян обо. Ур[очище] Уголцзин тологой – без воды, находится чуть к востоку от Шара ама. Общий характер массива Цзун сайхана – параллельные валы, направления грубо с востока на запад.

В хр. Баян цаган на южном склоне воды почти нет, на северном, кажется, много колодцев в ара ходасе⁸⁾. Ущелья круты и весь хребет весьма и весьма скалист. Бэль круг и очень каменист. Хр. Цзолэн производит сверху очень странное впечатление: он кажется плоскогорьем, страшно изрезанным, горы как-будто одной высоты.

От Байшинту мы выехали на Баян далай, а затем направились на восток по Цончжиин цзам. Дорога превосходна. Указанные Казнаковым колодцы Утугэр и Джимагэр, расположены в самом тальвеге ара хоолай⁹⁾ Ихэ аргалинту; дорога идет здесь вдоль тальвега, к С. от него. По тальвегу нитрариевые бугристые пески. Саксаула нет. От холма Чиндамани мы без дороги свернули к Цзун сайхану и стали подниматься по бэлю. Подъем хорош. Длинен, но не каменист. Без особых затруднений поднялись, спустились около самых гор во врезанный в бэль сайр и проехав с версту

7) “Царам” – слегка всхолмленная междугорная высокая плоскость или очень широкий и плоский гребень возвышенности или хребта.

8) “Ходас” – высокая междугорная продольная долина, иногда тоже всхолмленная.

9) “Хоолай” – в Гоби широкая (иногда до 30-40 км ширины) слабо вогнутая продольная долина, а в более узком смысле – тальвег или дно такой долины. Ара - северный, задний. Убур – южный, передний.

вверх, стали среди скал около колодца Шара амааа. После стоянки в Цзун сайхане мы поехали восточным краем сайра прямо вниз и на нижнем перегибе бэля, когда кончились русла, свернули на восток, к ур. Цаган гол, расположенному к С. от горок Булаган хурумэин.

Вскоре подошла тропа, ведущая очевидно от Чиндамани. К вечеру мы были на Цаган голе. Ключ этот до 1,5 км длиной, начинается под террасой, подошедшей от Цзун сайхана низкой гряды. Около него два отдельных вулканических холма. Ниже, к югу, в нескольких км - горки Хурум. На Цаган голе мы ночевали. Далее поехали без дороги на левый край этой гряды (вулканическая же) по изумительно гладкой степи. Левее остался ключ Цаган дэрис, правее, около гряды, кол. Ганца толोगой худуг. Далеко не доезжая Цончжиин цзам¹⁰⁾, сворачивающей здесь далее к югу (ее здесь и около Байшинту называют почему то “Шара цзам”), мы свернули на восток по направлению к горам Буур и севернее Улцзэйту ундур. Последний низкой грядой холмов соединяется с горами Бага аргалинту. Последние же связаны с Ихэ аргалинту. Расположенный на убре Булаган хурума Шюлютуин хуриэ остался, таким образом, в стороне. Левее (севернее) плоского хоолая, по которому мы ехали, осталась низкая плоская возвышенность, отделенная широкой седловиной от гор Буур. Далее мы, постепенно поднимаясь, стали объезжать Улцзэйту ундур с севера и втянулись в широкую долину между последним и горами Буур. Улцзэйту ундур – невысокая, почти лишенная воды (на северном склоне ее нет) гряда, вытянутая в восточно-западном (грубо) направлении. Западная часть более высока, восточная – просто шлейф низких холмов.

Горы (не более 200 м над бэлем?) Буур в западной части – также просто гряда низких холмов. Лишь далее, в центральной части их, видны более высокие массивы. Миновали расположенный на убре Буура кол. Сайрин худуг. Затем проехали перегиб долины. Падение стало на восток. Заехали к кол. Хушо худуг, осмотрев по дороге три хушо (намогильных камня) без надписей и без рисунков. Колодец этот также расположен на убре низких холмов Буура. Далее, все по той же долине (против Хушо есть еще колодец к югу у подножья южных холмов, там как-будто прорыв к Номоганскому ара-хоолаю) мы выехали к большой шанде (тойриму) с остатками воды. У В.А.Казакевича эта шанда названа “Хярин нур”. Здесь долина замкнулась. Шлейф Улцзэйту ундур примкнул к холмам хр. Буур; мы взяли к югу, въехали на холмы. Открылся гладкий ара хоолай

10) Цончжиин цзам – дорога в Цончжи (Гучен), т.е. старая караванная дорога из Китая (Калган, Хуху хото, Баоту) в Синьцзян. Название “Шара цзам” является почтительным, так как желтый цвет в Китае считался императорским.

Номогана и самые горы, имеющие с севера очень дикий вид. Пересекши неширокий хоолай мы стали на колодце Уцзюр сучжи, так как я решил передневать в Номогане. Колодец этот расположен над бэлем восточного конца Ихэ номогана среди пятна ириса и дэрисуна, под самыми скалами. Вечером я сбежал на охоту, а 22-го сделал экскурсию на вершину. Номоган делится на три части. Центральный массив, собственно Ихэ номоган, резко встает над пустыней, высок, очень крут, скалист и изрезан. Ширина его не превышает 5-6 км. Непосредственным продолжением его к западу служит Барун номоган, значительно более низкий и более широкий. В самом хребте воды нет. На северном склоне Барун номогана – кл. Булаг сучжи, Ихэ номогана - кол. Уцзюр сучжи. Южные склоны Ихэ номогана, может быть, чуть мягче. Есть 1-2 колодца. Ихэ номоган можно перевалить верхом по крайней мере в 2-х местах, где в основном гребне имеются глубокие седловины. Восточная лежит к западу от вершины с двумя малыми обо, западная – к востоку от главной вершины (одно обо). Через главную вершину проходит граница хошунов Гурбан сайхан ула и Шанхай ула. Хребет вытянут с С.-З. к Ю.-В. Бага Номоган ниже, как будто немного шире, расположен к Ю.-В. от Ихэ номогана и вытянут в том же направлении, может быть чуть более широтно. Он отделен от Ихэ номогана высокой и широкой седловиной, образованной продуктами выноса и изрезанной оврагами. С вершины Ихэ номогана открывается широкий вид во все стороны. К северу, за низкой и узкой грядой Буурин хира, видна Хан ула, плоская “тэбши”¹¹⁾ вулканического происхождения.

Ближе и к востоку виден огромный тойрим Годли балгаса. Далее к северу, правее понижения Мани гола¹²⁾, видна окраина Шанхайского нагорья с незначительными повышениями. К С.-В. видны Гурбан гэдэрэг, границ которого я определить, за незнанием, не мог, и более четкая группа Хачиг. Ара хоолай Номогана км в 30 к востоку замыкается или почти замыкается возвышением, отделившимся от Бага номогана. В хоолае видны два озерка Хармагтай. За Бага номоганом довольно четко встают горы Хурхэ. Выделяется одна конусообразная вершина. Далее на Ю.-В. и Ю. четко намечается лишь гряда Цохио - Устин гурбан ундур.

11) “Тэбши” – “корыто”. Большинство плоских с обрывистыми крутыми краями вулканических останцов носит в Монголии указанное название вследствие сходства таких гор с перевернутым корытом. Услышав подобное название, можно процентов на 80 быть уверенным, что имеешь дело с горой вулканического происхождения.

12) Мани гол (от имени мон. Мани хурал) – ара хоолай Цзун сайхана, иначе Бацзар хуйтэн. На его юго-восточной окраине расположен теперь Далан цадагад – аймачный центр Южно-Гобийского аймага.

Продолжением этой гряды к западу служат какие-то светло-желтые холмы, уходящие довольно далеко. На самом Ю.-З. горизонте синее, очевидно, Цаган ула. В направлении Эцзингольских озер – почти равнина, ограниченная с севера обоими Аргалинту и Цзурумтаем. Ближе, на понижении между Номоганами и Цохио, видны низкие грядки. Правее (к западу) Цохио торчит одинокая конусообразная горка Того хайрхана. За восточным концом Цохио видны еще две небольшие, но довольно высокие грядки. Вдали на С.-З. видны Цзолэн, Хонгор обо, Баян цаган, массив Цзун сайхана, Хурум. Хр. Ихэ аргалинту имеет на севере отдельную параллельную гряду, отделенную от основного хребта ходасом. На северном бэе этого хребта полоса плоских песков, называемая Хонгиль. Вершина его носит название Баян ундур. Бага аргалинту – собственно расплывчатый араг¹³⁾ бугром, с песками на бэе и в самых горах. Один вариант Шара цзам уходит через холмы между Улцзэйту ундуром и Бага аргалинту к кл. Борцзон южнее г. Хурхэ.

Теперь кое-что о растительности. Всю пустыню к югу от Сайханов до Аргалинту (как-будто), по крайней мере до Шара цзам, нельзя назвать кустарниковой. Крупный кустарник отсутствует начисто (за исключением, разумеется, “гол гацзар” в тальвеге¹⁴⁾). Встречается лишь мелкий тэсх (*Eurotia ceratoides*). Однолетние – обычных видов: местами почти чистый багалур (таких мест мало), местами (особенно к Цзун сайхану) хилагана, местами тана или тана с хилаганой. Местами же, особенно внизу, не было совершенно ничего. Это места, где за лето не упала ни одна капля дождя. По окраине Баян тухума – бугристые пески с шара бударганой. По тальвегу ара хоолая Аргалинту – бугристые пески. В Цзун сайхане в средней зоне по сайрам очень заметен темно-зеленый хара шабаг. По склонам характерные пятна арцы, правда, в этом году очень хилой, желтоватой. Специально горной, альпийской флоры почти не видно. У подножья Тахилги (Хошу обо) нами был встречен миниатюрный альпийский мак. В остальном вся растительность носит скорее полупустынный характер. Кустарника, кроме арцы, мало, больше по скалам. Буйлэса почти не видно. С альпийской флорой было тем хуже, что под самой Тахилгой стоял аил и все кругом было основательно

13) Араг – гобийское слово, обозначающее чаще беспорядочное скопление невысоких холмов, иногда на большой площади.

14) “Гол гацзар” – “речное место”. Так в Гоби называют либо окрестности одного или нескольких ключей со специфической растительностью (дэрис, нитрария, шара бударгана, солончаковые луга), либо полосу этой растительности, обусловленную близостью подпочвенных вод, почти обязательно в тальвеге хоолая.

вытравлено.

Далее растительность носила тот же характер. Ровная пустыня, местами бесплодная, местами с небольшим однолетним покровом. Мелкий тэсх почти повсеместен. Ара хоолай Номогана был почти бесплоден. В самых горах Номоган кустарниковая эфедра, карагана, а в остальном вплоть до вершины – пустынная растительность. Словом, типичные гобийские горы. Суровые, пустынные, каменистые, безводные.

Животный мир представляется в следующем виде. По степи почти повсеместно (кроме тальвегов, разве) наравне с хара сультами встречаются цээрэ, придерживающиеся, впрочем, более богатых кормом мест, что не всегда можно сказать про хара-сульт. В районе Улцзэйтундура (вокруг него) неожиданностью для меня оказались хулань (*Asinus hemionus*), в довольно значительном количестве. Далее к востоку их нет. Несколько хуланов держались в районе Баян далая. Убитых нами в Баян цагане горных козлов мы застали на утренней кормежке на дне ущелья. Их всего было 2. Проводники видели нескольких самок. Там же в Баян цагане я видел помет хойльков и след барса.

Мне удалось довольно хорошо ознакомиться с животным населением Цзун сайхана. Здесь есть барс, много волков (видели трех), козлы (видели стадо голов 5-6), аргали. Есть гриф, ягнятник, хойлики (*Megaloperdix*). В посещенной нами части козлы держатся в районе Агцза хайрхана и далее к Тахилге¹⁵⁾. Кроме того они же должны держаться и в северной гряде Цзун сайхана (Йола). Аргали мы, по указанию проводника, буквально во множестве встретили в северо-западной части массива, когда с одной точки были видны одновременно не менее 5-6 табунков. Две самки были нами убиты. Слинiali, но еще носили остатки старой шерсти. Молодые к этому времени уже основательно подросли, как и у цээрэнов. Цээрэ между прочим приносят одного, хара сульты - почти всегда двух детенышей. Далее и козлы и аргали были встречены в Ихэ номогане. Аргали в этих горах, против правил, не избегают бродить по скалам и крутейшим откосам. Я встретил почти на самом гребне трех уголцинов, а Федя с Васей – самок с молодыми.

В Цзун сайхане, кроме того, встречены в большом количестве ухур огдай оготоно (*Ohotona Pricei*?). На самой Тахилге я видел очень интересного крупного вьюрка. Оперение – темно-серое с небольшим количеством темно-рыжего. К большому удивлению от самого Дэлгэр хангая и до Гобийн сангин далая мы не видели ни одной саксаульной

15) Тахилга - чтимая гора с обо. В данном случае это синоним названия “Хошу обо”, т.е. хошунное обо.

сойки. Кроме того в горах я не видел ни одной *Saccabis*.

От колодца Уцзюр сучжи дорога лежала по тому же хоолаю мимо Бага номогана и тойрима Хармагтай (как всегда, около него бугры с хармагом). Колодец того же имени. Далее, оставив узкое продолжение хоолая влево, мы стали пробираться по арагу. Пересекши его, мы достигли порядочной котловины, на дне которой, невдалеке от ключа, расположен мон. Сангин далай. Пересеченный нами араг, как всегда, запутан. К северу в гряде Буур, выделяется скалистая красноватая гряда Баян улан. Упомянутый араг, по-видимому, связывает Бага Номоган с Хурхэ. В Сангин далае нас одолевала томительная духота. Из этого монастыря мы выехали около полудня 24/VII. За небольшим бугром сразу же начался Хурхэин ара хоолай. Снизившаяся в араг гряда Буур перешла в гряде Хачиг. Ара хоолаем (дорога отличная) мы доехали до кол. Улан худуг, где пересекли маршрут южной партии экспедиции П.К.Козлова 1925 года. По дороге миновали кол. Даругай. Около Улан худуга мы выехали на северный вариант Цончжиин цзама, подошедший из Сангин далая же, и далее покатали по нему, почти тальвегом хоолая, вдоль северного склона гор Хурхэ. Дорогу везде можно считать хорошей, один только раз мы повозились в песке большого сайра тальвега. Хребет Хурхэ кажется с севера очень недоступным и высоким. Особенно это касается центральной части, расположенной к востоку от Хайчи даба. Бэля почти нет. Больших ущелий не видно, или они кажутся щелями. Весьма скалистые, сурового вида горы на глаз почти отвесно падают к равнине, переходя в нее внезапно. Это производит более сильное впечатление, чем например, в Баян цагане или в Ихэ номогане. Далее к востоку Хурхэ несколько снижается и идет ровной линией. Гряды группы Хачиг постепенно отступают к северу. Хоолай расширяется и горизонт на восток открыт. Дорога мало-помалу подошла к подножью гор Хурхэ.

В этом месте из гор выходит ущелье Уртуин гол с ключом, достигающим в дождливые годы бэля. В горах находится небольшой хурал называемый Уртугийн хурал. Сейчас же за устьем ущелья дорога огибает выдавшийся к северо-востоку мыс Хурхэ (на бугре стоит большое обо) и идет дальше поросшим буйлясом бэлем на Ю.-В. Снова приблизившись к горам мы въехали в ущелье-прорыв Цзамтэ, пересекли им крайнюю восточную оконечность Хурхэ и выехали на южный склон гор. Впереди на юге, отделенные от Хурхэ несколько бугристой седловиной, встали горы Ихэ (?), за ними левее еще один кряж, левее его – еще один (имена остались неизвестными). Еще далее виднелась характерная вершина Ундур богда. Наконец последними на юго-восток в этом ряду стоят горы Хоту. На восток открывается бескрайняя Цзаг сучжиин гоби. Продолжая

ехать по Шара цзам, мы миновали Ундур богда, затем колодцы Ньюдун и Цзамин шанда. Дорога подошла к северному бэлю г. Хоту. Решив осмотреть горы, мы свернули к ним, поднялись по весьма каменистому бэлю и въехали в ущелье. Тропинка указала нам колодец. Жители юрты, стоявшей поблизости, убежали при нашем приближении в горы. Колодец называется Ара сучжи. Утром следующего дня я ходил на охоту, затем экскурсировал; после полудня подъехали пограничники, вызванные жителями юрты. На пустой машине я поехал на пост. Последний стоял на кол. Шинэ усу, к югу от кол. Цзаг сучжи. Наутро 26-го к полудню я вернулся с новым проводником в лагерь, мы погрузились и отправились в объезд Цзаг сучжиин гоби с севера. По хорошей дороге (без троп) мы доехали до кол. Бугутэриин боро обо и заночевали на нем.

27-го утром подъехали к мон. Баг модо хурал¹⁶⁾, сменили проводника, расспросили обо всем и направились искать аил с баранами, так как продовольствие у нас вышло окончательно. Такой аил нашли в ур. Бурханту.

Горы Хоту – порядочная группа довольно разнообразная по петрографическому составу. На окраине выступают светлые глинистые сланцы. В центре горы двух цветов: зеленые и красноватые. Внутри гор можно различить несколько частей. Западная – высокий кряж, круто обрывающийся внутрь гор, к сайру и размытыми ущельями и мысами спускающийся к широкой и пологой седловине в направлении Ундур богда. Восточный хяр наиболее высок и весьма скалист. Средняя часть заполнена запутанной системой остроконечных зеленых и красных горок, прорезанной узкими ущельями. Особо выделяются юго-восточная часть, зеленоватого цвета, отделенная от северной части понижением. В посещенной нами части два больших русла, отделяющих среднюю пониженную часть от высоких боковых.

Общий характер гор – очень изрезаны, скалисты и каменисты. Весьма заметная гора Ундур богда – по всей видимости вулкан. Темная порода, кажущаяся издали почти черной, с красными подтеками россыпи. Вершина кольцеобразна и похожа на кратер. С одной стороны последний разорван ущельем. Гора одинока и стоит на высоком пьедестале. К югу от нее есть еще две плоские черные горки, подтверждающие основной вулканический характер Ундур богда.

Теперь о Цзаг сучжиин гоби. Наибольшее понижение, по-видимому, около колодца Цзаг сучжи. Горы Хоту спускаются к этому понижению довольно крутым и очень каменистым бэлем, изрезанным небольшими

16) “Баг модо” – “роща деревьев” (хайлясы по руслам).

руслами. Ниже идет неширокая полоса мертвого, упавшего, очень старого саксаула, затем довольно редкий живой саксаул. Последнего, вообще, немного. В самых понижениях ярко зеленеет шара бударгана. Почва – вероятно исключительно красная глина. Бугристых песков мало. С юга эта гоби замкнута небольшим повышением с грядкой Баян хара. С севера идет окраина Шанхайского нагорья – ряд грядок и арагов. От них к югу полого спускается обширная покатость с широкими сайрами. Именно по этой покатости мы объезжали эту гоби с севера. Сондоков (высоких песчаных бугров) почти нет. Здесь не знают этого слова. Я видел лишь один холм в С.-З. части этой гоби около колодца Табун алдан¹⁷⁾. На упомянутой покатости местами выступают небольшие возвышения. Одно из них сложено белым песчаником. Очень характерны широкие сайры, сбегаящие с Шанхайского нагорья в гоби. Между ними обычны низкие холмики, а вдоль сайров растут многочисленные ильмы, образующие местами чуть ли не аллеи. Ильмы эти по сайрам спускаются далеко вниз. По самой впадине Цзаг сучжи также имеются ильмы. Такой характер эта местность имеет до того места, где мы свернули вниз на юго-восток, снова к границе.

Вниз, к границе, мы направились от ур. Бурханту, по одному из вариантов старых путей в Китай. Идя все время под уклон, развивали скорость до 35 км. Это происходило 28/VII. Миновав кол. Олон шанда, остановились около кол. Табун модо. Несколько ниже есть еще колодец.

Китайская граница была в нескольких км. К востоку – горки Гурбан цээрэдэ, где мы должны были искать пещеру. У колодца русло с несколькими ильмами. Кругом бугристые пески с нитрарией. На севере – подъем к Шанхайскому нагорью, где местами видны низкие гряды. К западу невдалеке видна отдельная плоская обрывистая гора Хуца. Начиная с района Буур – Номогана перестали встречаться цаган цээрэ (вернее с района Ульцзэйтундура). Сульт, вследствие засухи, мы встречали далее очень мало. Местами их не было вовсе. В горах Хоту есть янгеры и аргали. В хороший год их бывает очень много. Теперь же я видел лишь одну самку, да Вася 2-3-х самок же. Говорят, что тут же иногда встречается барс, есть рыси. Жители окрестностей Сангин далая весьма удивлены по поводу появления в их районе хуланов, чего на их памяти не было. Спрашивали даже меня “к чему бы это”. Вместе с тем я еще раз слышал о “Хулангин цзам” к северо-востоку, в районе Хояр улцзэйтунду¹⁸⁾. Хурхэ, по

17) Название указывает на глубину колодца (“пять маховых саженей”), относительно большую для монгольской Гоби.

18) О “Хуланьей дороге” (Хулангин цзам) я слышал впервые в 1929 году. Местные

всей вероятности, совсем не так беден зверями, как я представлял себе это с 1925 г. (может быть на основании неправильных расспросных сведений). Наш проводник с Цаган гола говорил мне, что хайрт бура¹⁹⁾ убивали еще в дни его детства. Красный волк бывает, как-будто очень редко, в районе Сайханов. Хяrsa (корсак) на степи почти повсеместна. В Цзаг сучжи много всякой мелочи. Еще в Хоту в один вечер мы поймали многоножку (арбальчжи) и цаган-тэмэ (фалангу). На другой день Веру через рубашку укусил скорпион (яманай оуца, дибгуранца). Олгой-хорхой²⁰⁾ в Цзаг сучжи довольно обыкновенен. Говорят о нем много и очень боятся. Если он появляется в юрте – скочевывают. На поверхности он появляется чаще всего после дождей, когда земля немного сыровата. В юртах он вылезает чаще всего под ведрами, где бывает сыро. Население упорно говорит о его ядовитости. Цвет определяют “как белая парча”. Кроме того указывают на “тэмэн суль хорхой”, определяя его как бесхвостую ящерицу. Из насекомых – хумус хорхой, величиной и формой, как ноготь; хумуриг бухэр хорхой, встречающийся в навозе. Хун-хорхой (медведки) нет. Отмечу, что мы до Бурханту не встречали ни одной саксаульной сойки, хотя встречаться они должны были с Дэлгэр хангаяя. Я не видел и не слышал ни одного кэклика. Не видно совсем бульдруков. С птицей, вообще было, более чем слабо, очевидно вследствие засухи.

В районе Табун модо иногда попадаетея шара цогонда (один из южных видов дикой кошки). Цээрэ в районе Бурханту ловят капканами. Мы добыли *Dipus sowerbyi* и молодого *Lanius excubitor*. Я думаю, что в районе есть *Salpingotus*.

Горки Цээрдэ находятся недалеко от дороги. Доехали мы до них благополучно. День потратили на поиски пещеры. Лазили очень много. Нашли одну дырку в несколько метров, оказавшуюся замкнутой. Очень

жители говорят со слов стариков, что еще не очень давно хулаы ходили по совершенно определенному направлению – “дороге” на северо-восток, к Буир нуру, где и сейчас они сохранились, правда, в очень небольшом числе. В настоящее время эта “дорога” существовать перестала.

- 19) О хайрт-буре см. мой дневник за 1927 год. Это предание или легенда (а может быть и быль), что в старое время в Западной Гоби охотники изредка убивали самцов дикого верблюда огромной величины – из их самых длинных ребер (дурбэн ундур хабирга) можно было делать палки к вьючному седлу.
- 20) Ологой хорхой – змееобразное пресмыкающееся, земноводное или гигантский червь, пока, по-видимому, неизвестный науке. Встречается в жарких низинах с саксаулом. Ведет подземный образ жизни. Очень крупные экземпляры, говорят, бывают толщиной в руку у запястья и почти в метр длиной. Концы как бы обрублены и не утончаются. Голову определить невозможно.

устали. Наутро проводник поискал пещеру еще²¹⁾. Дул сильный ветер, несший тучи песку. Все было занесено им. Воду кончили. Настроение у всех было скверное. Учтя все это плюс наличие мяса всего на два варева, я решил ехать назад. В обед погрузились и доехали до кол. Табун модо.

Места эти – южная окраина Галбаин гоби. Куполообразная гора Галба или Хан богда видна на севере, где она выделяется довольно резко среди окружающих арагов.

Происхождение горок Цзэрдэ – мраморизованные известняки.

Из животных там иногда бродят аргали, есть волк, лисица, дикая кошка. Из птиц я видел *Podoces*, *Athene*, *Lanius*'а (большого). Пустыня между Табун модо и Цзэрдэ кустарниковая, покрыта нетолстым слоем песка, скопляющимся в понижениях. На буграх обнажается щебнистая поверхность. Из кустарников около гор больше всего *Zygophyllum* (2-3-х видов). На песке кое-где виден сульфид. По одному из русел несколько кустов тамариска, с выросшим под его защитой камышом.

От Табун модо мы поехали старой дорогой, двигаясь так же быстро. Беспрепятственно добрались до Бурханту, поднявшись таким образом на Шанхайское нагорье. Далее безостановочно поехали все по той же дороге, уклоняясь на северо-запад. Ночевали около кол. Хуху хада, полузасыпанного уиrom (ливневым потоком). Сами раскопали там воду.

31/VII двинулись дальше, думая сменить проводника в ур. Ульцзэйту булаг, но там никого не оказалось (вернее, этого урочища мы не нашли). Тогда мы свернули с дороги на северо-восток, затем на север, наткнулись на Хобдо-Калганский тракт и, ища воду, опять покатали на северо-запад. С горы увидели далеко на севере, в холмах за хоолаем, монастырек Ламаин дуган, свернули напрямки к нему и там заночевали.

1/VIII утром приехали в тамаган Шанхай-ульского тамагана, где простояли день. Местность от Бурханту до Ульцзэйту булага представляет собой очень широкое и пологое вздутие – очевидно остатки хребта. Направление, грубо говоря, широтное. Гряда эта является, по-видимому, продолжением гряды Хачиг.

Южный склон полог и весьма длинен. Северный – тоже полог, но узок. Таким образом ара хоолай этой гряды значительно выше южного его подножья. Поверхность ее – размытые араги, сеть которых крайне запутана. Везде пологие холмы, небольшие котловины, скалы выступают редко. Поверхность почвы большей частью щебниста. По понижениям и сайрам наносы, большей частью бугристые, с нитрарией. Сильно выдается

21) Этот проводник, взятый из мон. Баг модо, очевидно, нарочно не показал нам пещеры, уводя нас в противоположный ей конец гор.

над местностью лишь гора Галба. Сток южного склона – большие сайры, вроде Ундагийн гола и пересеченных нами западнее последнего. Истоки их находятся, по-видимому, на водоразделе. Заканчиваются эти сайры в хоолах Галбаин гоби, Дайчин гоби и Цзаг сучжин гоби. Вода (колодцы и редкие ключи) встречается в этой гряде по сайрам довольно часто. К северу от упомянутой гряды (общего имени ей, кажется, нет; имеют название отдельные ее части) идет неглубокий хоолай, уходящий довольно далеко на восток (там, кажется, он замкнут) и на запад. В последнем направлении он расширяется и вливается в хоолай между грядой Цэцэй - Аргалинту и грядой Хачиг. К С.-В. от выхода дороги в хоолай, он ограничен с севера небольшой, но высокой и крутой грядкой Ихэ ула (Ихэ лус)²²⁾. Поднятие, на котором стоит последняя, тянется на восток и, после седловины восточнее этой горы, переходит в группу Обо (?). Далее к северу проходит широкий хоолай между упомянутой грядкой и Ихэ Шанхаем. Грядка Ихэ ула на западе выклинивается почти напротив Улцзэйту булага и этот северный хоолай, соединившись с южным хоолаем, уходит на запад, к югу от Цэцэй. Восточный его конец остался неразобраным, но, по-видимому, туда открыто далеко. Горы Ихэ шанхай вытянуты в обычном для этих мест восточно-западном направлении, довольно скалисты, но невысоки. С юга они загорожены довольно широкой полосой холмов, в которых спрятан мон. Ламаин дуган. Между ними и короткой, но скалистой и относительно высокой грядой Цэцэй – широкий проход-седловина. Тамаган расположен на бэле северного склона западной оконечности Ихэ Шанхая.

Несколько слов о дорогах.

- 1) Цончжин цзам (Синьцзян - Китай). Идет от Байшинту на Шюлотэ, затем убуром Улцзэйту ундура. Здесь, по-видимому, раздваивается. Северный вариант идет к Сангин далаю, по ара хоолаю Хурхэ, пересекает его восточную оконечность, проходит севернее Ундур богда, восточнее Хоту и за Цзаг сучжи уходит за границу. Водопой и корма: хоолай около Шюлотэ, Сангин далай (ключ), Цзаг сучжи. Южный вариант идет через Борцзонгийн гоби и уходит за границу, где-то к югу от Ундур богда. К Сангин далаю подходит какая-то дорога с севера или северо-запада.
- 2) Хобдо-Калганский тракт встречен нами к юго-востоку от Цэцэй.
- 3) К западу от Бугутэрийн усу мы пересекли дорогу, пришедшую с северо-запада и направляющуюся, по-видимому, на Баоту.
- 4) На участке Гурбан цзэрдэ (вернее Табун модо) – Ульцзэйту булаг, мы ехали по дороге, направляющейся, по-видимому, также на Баоту. Севернее

22) Эта горка есть на маршруте экспедиции Р.Ч.Эндрюса.

она, вероятно, сливается с дорогой Хобдо – Калган, а может быть (об этом говорил проводник) она же проходит и далее на север к кл. Шанхай цзадагай, кол. Амаин усу и кол. Цаган хада (около Бага шанхая). В последнем случае, (а это в дальнейшем выяснится) она является веткой пути Улясутай – Калган.

На осмотренном участке большой безводный переход есть лишь между Бурханту и Олон шанда. Возможен большой перегон без воды к северо-западу от Улцзэйту булага. В южной Шанхайской гряде проследить ее местами уже трудно – заброшена. Кроме того она идет местами по сайрам, дэрисуну, нитрарии, и автомобилю приходится делать объезды. Цончжиин цзам на виденных нами участках затруднений для автодвижения не представит. Нужен объезд, кажется, лишь около Цзаг сучжи.

Небольшая дорога подошла с юга к Хобдо-Калганскому тракту на гряде к югу от Ламаин дугана. В этом же почти месте мы с удивлением увидели дорогу, направляющуюся на северо-восток. Может быть в дальнейшем ее назначение выяснится.

Из Байшинту, помимо Цончжиин цзам и Алашаньской, идут дороги на Эцзин гол и мон. Ловун чимбу. Заметных меридианальных дорог мы не пересекли²³⁾.

От тамагана Шанхай ула мы поехали на северо-восток, имея справа сначала горы Ихэ шанхай, а слева глубокий и широкий хоолай, не имеющий общего названия. Недалеко в стороне остались горки с мон. Барун су. На горизонте виднелся Цзун сайхан. За хоолаем поднималось нагорье, ведущее к Бага Шанхаю (Шарахацар). Ехали мы поперек пологого склона, песчаного и безводного. Вскоре на восточном горизонте обозначилась вершина Баян обо (около Дучи хурала). Хоолай начал повышаться и выклиниваться. Мы подъехали к северным арагам и почти против кол. Хабирга пересекли наш прошлогодний (1929 г.) маршрут. Перевалив против Улан худуга араг, мы выехали на его северный бэль, к ара хоолаю, почти против спрятавшегося в г. Хунчжиль мон. Далай хурал. Взяв направление на восток, мы поехали к Баян обо и заночевали к западу от этой группы на кол. Худуг хармагтай. Хоолай, вдоль которого мы ехали, очень широк и уходит далеко на запад, проходя, как говорят, убором Шара-Хацара. Далее, обогнув Баян обо с севера, мы выехали снова на прошлогодний маршрут, поднялись на пологий перевал к югу от горы Бурал уголцза и выехали к Баян булагин хуралу. Почти по старым следам, огибая открывшийся хоолай с севера ехали далее на восток. По совету встречных монголов, горы Нумургэ мы объезжали с севера, по

23) О дорогах района см. мой дневник 1931 года.

прекрасной дороге, не в пример прошлогоднему тэсху и оврагам.

Пересекши Соланхэрэский тракт, вскоре выехали на автодорогу²⁴⁾, проложенную от бывшего станка Хабирга на тамаган Хояр улцзэйту. Быстро доехали до кол. Шабагтай – нашей стоянки в 1929 г. - и теми же следами, проехав еще несколько километров на северо-восток (тамаган перекочевал) достигли гобийской базы Монценкопа на самом закате. Наутро, обсудив положение, я решил, оставив багаж и всех помощников кроме Феди, съездить снова в Шанхай ульский тамаган и, если дадут хорошего проводника, то и в Гурбан цзэрдэ, благо бензину должно было хватить. С собой с базы я взял Е.К.Кузнецова, старого монголиста, большого любителя всяких поездок и дилетанта-натуралиста. В Шанхай уле я, действительно, получил проводника, бывшего в самой пещере. Мы проехали в Гурбан цзэрдэ по известной уже дороге, осмотрели пещеру (о ней см. ниже), той же дорогой вернулись в Хояр улцзэйту и уже без работы по дороге вернулись в Уланбатор.

Теперь о растительности по всему маршруту²⁵⁾.

В самой северной части хошуна Дэлгэр хангай (от Сангин далая до г. Дэлгэр хангай) растительность носит еще степной характер, пожалуй, с преобладанием злаков, может быть, вследствие песчаной почвы. Много караганы, образующей часто типичный ландшафт караганно-злаковых степей. Покров надо считать ниже среднего. Около Сангин далая прошел поздний дождь, а весной было совсем скандально. Далее, против Дэлгэр хангайя и по равнине около Хошу хиды, где начинается уже настоящая Гоби, идут поросли багалура, почти отсутствовавшего. Покров был очень плох. В районе Баян тэга начинается кустарниковая пустыня. Есть карагана, нохой ширин. Около кустов наметен песок. Покров здесь был несколько лучше. Южнее, ближе к тойриму, он еще улучшился: после весенней засухи прошел поздний дождь. То же положение и далее к югу, до Баян цзага. С этого района я стал брать укосные площадки. Далее по ара бэлю Сайханов, корма (идет сплошная луговая степь) можно было считать средними, а для засухи и вовсе хорошими. То же наблюдается и в районе Халги, где также преобладает тана. С выездом на убур бэль картина резко изменилась. По верхней его части еще кое-что было. Чем ниже, тем дело обстояло хуже. Багалур еще кое-где держался. Что же

24) Соланхэрэский автомобильный тракт был проложен для сообщения Уланбатора с пограничным отрядом в местности Соланг хэрэ. Ныне он заброшен.

25) Во время этой экспедиции мною была начата работа по изучению гобийских пастбищ, путем сбора укосных площадок.

касается хилаганы, то от нее остались лишь мертвые кочки. Внизу местами совсем нет ничего. Общий характер спуска Халга – Байшинту - полынная, луковая и солянковая (багалуровая) степь без кустарников. Участок к Баян тухуму также был плох. Чуть лучше в Баян цагане (горы!). К югу от Цзурумтая и в районе Сэбэрэй - ноян-Богда по слухам было очень плохо²⁶⁾. Не было даже того, что кое-где вылезло в районе Байшинту. Далее на восток сохранялась та же картина. По хоолаю, кроме нитрарии, было совсем плохо. На бэле значительно лучше, но все же покров оставался плохим. В горах, как всегда, лучше. Покров близок к среднему. Характер его описан выше. По бэлю тэсховая степь. К западу от Цаган-гола местами было совсем голо. Но в районе самого Цаган гола покров почти средний, благодаря небольшому позднему дождю. Начиная от гор Хурум в направлении Улцзэйту ундуря опять совсем плохо. Местами ничего не было. Пустыня с редким тэсхом.

Далее к востоку по ара хоолаю Ульцзэйту ундуря почти совершенно оголенные площади сменялись участками с довольно приличным кормом. Близ Хушо худуга местность повышается. Тэск исчезает. Ара хоолай Ихэ номогана был совершенно оголен²⁷⁾, кустарник отсутствует. В самых горах Номоган, как и следовало ожидать, вполне приличный покров особенно по площадкам верхней зоны и по узким ущельям. Характер его указан выше. Далее по дороге к Сангин Далаю первая половина пути была совсем плоха. Некоторые места голы начисто. Кое-где, впрочем, прошел уир, стекший с гор Буур, и на этих местах появилась хорошая растительность, резко граничащая с оголенной пустыней, не захваченной уиrom. В районе озерков Хармагтай прошел небольшой дождь и покров был уже гораздо лучше. Далее до Сангин Далая покров был более или менее приличен. Кустарниковый покров почти отсутствует, за исключением скалистых холмов в араге. Около ключа Сангин далай бугристые пески с нитрарией. Далее к востоку корма быстро исчезают и ара хоолай Хурхэ, а также ара бэль этого хребта были совершенно бесплодны. Этим летом здесь не было ни одного дождя. Одним из самых засухоустойчивых растений оказывается умухэй убус (*Peganum nigellastrum*). По тальвегу хоолая далее к востоку были видны отдельные хайлясы. Бедная растительность появилась лишь около восточной оконечности Хурхэ, где,

26) Как я узнал уже в 1935 г., население последнего района жестоко пострадало от засухи 1930 года, оправившись лишь через 4-5 лет. Вымер даже горный зверь, почему-либо не укочевавший (горные козлы и аргали).

27) Проезжая по этому же ара хоолаю в 1932 г., я был поражен колоссальной разницей в состоянии растительности по сравнению с 1930 г. Совершенно голые пространства превратились в пышную цветущую луковую степь.

по-видимому, были слабые осадки (багалур). Здесь же я видел редкую поросль буйляса. По ущ. Цзамтэ – хайлясы. За кол. Боро хошу, на окраине Цзаг сучжин гоби, растительность снова ухудшилась и покров почти исчез. Близ ара бэля Хоту нам впервые после Баян цзага, встретилась поросль саксаула. Самый бэль – кустарниковая пустыня, довольно разнообразная по составу (цзагсагал, хотор (нохой ширин), буйлэс, шара модо, улан бударгана, багалур). В самых горах, как и всегда, растительность лучше равнинной. Обильны кустарники (хотор, шара модо, есть буйлэс, улан бударгана). Местами растет хайляс. Из травянистых – хилагана, тана. По дороге к Цзаг сучжи – кустарниковая пустыня, затем саксаул, частью вымерший. По понижениям – шара бударгана. Травянистого покрова почти нет. По самой котловине кое-где хайляс. На дальнейшем пути к Бугутэрин борю обо после поворота с Шара-Цзам – покров отсутствует начисто. Даже нитрария высохла совершенно. Вдали от дороги видел два древовидных куста. Проводник сказал, что это – яшил модо, очень редко встречающийся здесь на юге кустарник.

По оголенной пустыне лишь кое-где попадался чуть живой, а то и вовсе высохший багалур. В то же время проводник указывал, что в хорошие времена по этой покатоности растет хорошая трава, много злаков (например буднур). Около Бугутэрин борю обо - хайлясы. Впрочем о хайлясах по меридианальным сайрам я уже упоминал. Кое-где попадает цзаг. Далее к востоку начинают попадаться мелкие кустарники (улан бударгана, бору бударгана, нитрария, шара модо, далее прибавляется багалур).

Около мон. Баг модо покров был несколько лучше, попадался багалур и отдельные экземпляры таны. Несколько более приличная растительность была встречена в районе Бурханту. Багалур, шара модо, улан бударгана. В месте прорыва Ундагин гола на равнину – обилие хайляс. В кочках с шара бударганой и нитрарией около кол. Хулусун худуг – отдельные, очень мелкие экземпляры сухая. По дороге к Гурбан цзэрдэ покров был очень плох: чуть живые кустарнички улан- и бору бударганы, и багалура. Далее местами был совершенно высохший покров. По хоолаю в стороне от дороги в районе кол. Шонхот местами цзаг, хайлясы. Далее кое-где багалур, бору бударгана. В районе кол. Табун модо – отдельные хайлясы, бугристые пески с нитрарией, несколько отдельных кустов сухая, торлаг модо. Пустыня кругом – кустарниковая. Около Гурбан цзэрдэ следующий подбор: цзаг, улан бударгана, шара модо, бору бударгана, цзагсагал, хотор, буйлэс, мелкая карагана, багалур. По песку росло порядочно сульхира, очень мелкого в том году. В горах кое-какая мелочь, вроде хилаганы. Местами цзаг образует заросли. По руслам - несколько крупных

кустов сухая, с растущим под его защитой камышом – знакомое по Эцзин голу сообщество! Но в общем, в районе Цзэрдэ было очень плохо. Далее на Шанхайском нагорье к северо-западу от Бурханту покров был приличный. Здесь впервые в обилии были встречены ягоды хармага. Попадается хороший дэрис, в хармаге встречается кустарник долган модо. Хайлясы исчезают. По щебню преобладает багалур, попадается тана и хилагана. По ложбинам местами шара бударгана, улан бударгана. Далее к северу количество таны и хилаганы увеличивалось. Ара бэль южной гряды был хуже. Ара хоолай пересечен нами по двум (даже трем) направлениям. Тальвег был почти оголен. Местами посох даже хармаг. Между Ихэ- и Бага улой – мелкий кустарник (улан бударгана, местами багалур). К югу от Цэцэй, в одном из сайров – шара шабаг.

Убур бэль Ихэ Шанхая был немного лучше. По сайрам крупные полыни. По равнине – тана и хилагана. Кое-где тэсх.

Далее, за тамгой Шанхай ула, в районе песков ара бэля этих гор покров был почти средний. Начинает встречаться хумуль, тана исчезает. В злаках появляется хяг, хацзар, цулбур убус. Много караганы разных видов. Крупные полыни (боро шабаг, шара шабаг). Вообще покров уже полупустынный. За полосой песков временно прекращаются кустарники. Травянистая растительность тут была немного хуже (ниже среднего). За кол. Хабирга по арагу появляется обильный местами тэсх. За кол. Хармагтай кустарник связан с песчаной почвой. Попадается тэсх, караганы. Травянистый покров был приличен. Состав травостоя гобийский (тана, боролзай, хилагана, багалур). Приличный покров шел и далее, к Баян булагу, Нумургэ и до тамги Хояр улцзэйту. В районе Баян булага по бэлям – кустарник. Ближе к Соланхэрэской дороге, к северу от Нумургэ он почти отсутствует (есть немного тэсха). Далее, снова появляется в значительном количестве. По тойримам – шара бударгана, нитрария. Недалеко от Шабагтая попадают заросли хуйрика. На бэлях тана, багалур, хилагана. В этом районе попадает в значительном количестве шивэ – мелкий злак. За Хояр улцзэйту вскоре идет высокая караганная степь с хорошим нижним ярусом (хилагана, боролзай). Далее начинается понижение с саксаулом, довольно обильным, но не достигающим большого роста. На песке было довольно много, очень мелкого сульхира. Понижение сменяется снова караганной степью. На щебнистых и гравийных пространствах еще держится багалур. Местами очень много хумуля. За местностью Сологой полупустыня окончательно переходит в степь, сначала с большим количеством таны. Покров здесь был превосходен и оставался таковым до самого Уланбатора.

Замечания относительно отдельных растений. Хотор очень похож на

нохой ширин. Заменяет последний по южной границе. Легко отличим по запаху при горении! Пахнет гораздо приятнее нохой ширина. Цзагсагал – очень распространенный кустарник. На западе я его как-то не замечал, но на восточном пересечении он встречался от южной границы до ур. Хутуль усу. Относится к *Zygophyllum*'ам.

Яшил модо остался невыясненным. Очень любопытен кустарник хуйрик, встретившийся мне около Шабагтай усу. Внимание мое на него обратил Е.К.Кузнецов, рассказавший, что он уже давно присматривается к этому кустарнику. Дело в том, что Кузнецов считает этот кустарник вымирающим, так как уже в течение многих лет он не видел ни разу чтобы хуйрик зеленел бы по-настоящему. Всегда и везде хилые, обшарпанные полусухие кустики, часто вовсе мертвые. На некоторых зеленеют одна-две веточки, на других немного больше, отдельные кустики (редкие) зеленеют почти сплошь, но все это имеет чрезвычайно хилый, замороженный, уставший вид.

Записал любопытную поговорку: тулэни му - уртул, хуни му - сартул²⁸⁾. Шара бударгана в пределах хошуна Хояр улцзэйтү называется шара модо.

Восточной границей Шанхайского нагорья следует считать Баян булагин хурал. От Хояр улцзэйтү мы выехали на Улясутайский тракт около Цзубура (чуть ниже его), затем, придерживаясь этого тракта, поехали на северо-запад и около колодца Хутуль усу выехали на Соланхэрэский автомобильный тракт, по которому и направились в Уланбатор. Местность (Среднехалхасская возвышенность) вся в целом, в общем, мало выразительна. В памяти осталось мало. Близ Хутуль усу нам попались цзаговые котловины, являющиеся, возможно, продолжением депрессии Тугрюк, а может быть и Сайн усу (Центральная впадина). Их можно считать северной границей Шанхайского нагорья. Интересно, что горки около Хутуль усу весьма обильны скорпионами и змеями. Примерно от Сологая начинается высокая холмистая степь с прекрасным кормом. Далеко на горизонте были видны горы Оцол-сансарского хошуна. Очень скоро за уртоном Тала булаг, на котором ночевали (незадолго до него ночью ковыляли по дэрисунам каких-то низин), мы выехали около Эрдэни толोगоя на наш путь 1925 г. и по нему через Сосин даба, мимо Ганца худуга и через Бухуг гол приехали в Уланбатор. На перегоне до Тала булага видели огромные стада цаган цзэрэ – по 1.000-2.000 голов, а всего

28) “Худшие дрова – уртул (один гобийский кустарник), худший из людей – сартул”. (Племя сартулов, омонголенных тюрков, живет к северу от Чжибхуланту или Улясутая).

за день свыше 10.000.

На всем пространстве хошуна Дэлгэр цогто корма были превосходны. Впрочем и на юге при нас в Шанхай уле прошел обильный дождь на 6 пальцев, захвативший и Хояр улцзэйту и местность к северо-западу от этой последней тамги. Как далеко прошел он на юг – мне осталось неизвестно. Этот дождь безусловно обеспечил кормом по крайней мере северную половину Шанхай-ульского хошуна.

{²⁹⁾ От Хояр улцзэйту мы ехали на 2-х автомобилях – шел “фордик” МНЦК с Е.К.Кузнецовым. Один раз наш “Додж” основательно залетел в тойрим. Пришлось пускать в ход доски. Еще несколько саженей дальше - и он угруз бы окончательно. В районе Сологоя он же засел в песке и ребята копались более чем достаточно}.

Теперь о засухе. В 1930 г. засухой в сильной степени были охвачены южная половина хошуна Гурбан сайхан, южная полоса Шанхай ула и, вероятно, южная же полоса хошуна Хутуг ула. Севернее очень скверные участки попадались изредка, отдельными клочками (южный хоолай Цэцэй и Ихэ Шанхая). Северная половина Гурбан сайхана местами (ара бэль) была совсем благополучна. Дэлгэр хангай – поздняя трава ниже среднего. Близ Хошу хида было совсем плохо. Северная половина Шанхай улы – ниже среднего и средне. Хояр улцзэйту – почти средне, за исключением С.-В. части, где, по расспросам, было плохо. Дэлгэр Цогту – отлично.

Засуха в гобийских районах – явление довольно частое, но, с другой стороны, редко охватывающее сплошь большие районы. В большинстве случаев состояние гобийских кормов дает чрезвычайно пеструю картину переходов от почти совершенно оголенных участков к более и более благополучным. Пример – по маршруту этой экспедиции. Около Хошу хида очень плохой участок. Далее к югу шло пространство с кормом немного ниже среднего. Ара бэль Сайханов – очень хорошо. Убур бэль – плохо, и чем ниже, тем хуже. Островком выделился район Цаган гола с приличным кормом. Таким же островком выделялся Сангин Далай. Между ними – почти голо. И лишь самая южная полоса была, по видимому, сплошь засушлива, хотя и тут указывали на окрестности Ундур богда, как на островок с кое-каким кормом. Периодичность засух выяснить очень трудно. Расспросами этими я занимался довольно усердно, но результатов мало. Для Гурбан сайхана, Шанхай улы и Хутуг улы указывают на лоу могой чжил (кажется, до приезда Далай ламы). По

29) { } – текст взят из фрагментарного материала А.Симукова “Полевой дневник Гобийской экспедиции 1930 года” (с.23 машинописного текста, АИГМ №108).

южным гобям Шанхай улы и может быть Хутуг улы (?) засуха держится 7-8 лет, хотя есть указание, что в районе Цээрдэ 5-6 лет назад (лоу чжил) были хорошие корма, в противоположность Шанхайскому нагорью.

Общие указания: кроме упомянутой засухи (лоу), год проезда Далай ламы (1905?) был исключительно хорош (вроде 1927 г.). Затем, на памяти людей за 20 лет – 4-5 мелких засух местного характера, примерно с равными промежутками.

Таким образом, сводя эти данные в рабочую схему, получим период больших засух – 25-30 лет, малых, местного значения - 4-5 лет. Последствием засух является частый падеж скота (главным образом на следующую зиму), сильное уменьшение удоя, что с отсутствием в засушливые годы диких суррогатов хлеба, заставляет резать скот для еды. Укочевывает копытный зверь, понижается уровень подпочвенных вод, потому исчезают некоторые ключи (главным образом в сайрах). Другие же ключи, питающиеся более глубокими слоями, остаются почти без изменения. Единственное средство применяемое населением в защиту от засухи – укочевка в благополучные районы. Укочевки эти заводят некоторых за сотню и две километров от привычного нутуга. Такие примеры я встречал неоднократно. По-видимому, гобийские районы в хороший год являются ненасыщенными скотом, что допускает уплотнение, в случае засухи в соседних районах.

Недоразумения при хороших кормах, могут быть лишь из-за нехватки воды. В 1930 г. многие из южной части Шанхай улы ушли в Дэлгэр Цогту и в северную часть Дэлгэр хангая. Другие кочевали по северной части Шанхай улы. И лишь отдельные айлы сидели на старых местах, с трудом перебиваясь. Вместе с тем засухи и другие стихийные бедствия не отпугивают население от привычных, родных нутугов и в данном случае можно наблюдать своеобразную “любовь к родине”, хотя на этой самой родине ничего нет, кроме песка и щебня. После всех далеких укочевок, получив известие, что на его “настоящей” родине есть корма, гобиец направляется обратно и селится в знакомом районе. Скот также тяготеет к привычным пастбищам и знакомому ландшафту.

Районы, пораженные длительной засухой, были почти совершенно безлюдны. Так, по всему маршруту от окрестностей Сангин Далая до Цээрдэ и далее до тамги Шанхай ула экспедицией были встречены 4-5 айлов в Хоту и в Цзаг сучжи, столько же в Бурханту (эти скоро укочевали на север). Далее один аил был около Хара обо и один к западу от Улцзэйту булага. По несколько юрт было около Баг модо и Ламаин дугана, но это были “монастырские”, а не чисто худонские юрты. В стороне от дороги остались юрты около Уртийн хурала в Хурху (там мы видели пару

лошадей), несколько аилов в районе Ундур богда, да несколько аилов мы видели в районе Улцзэйту булага. Объезжая Цзаг сучжиин гоби с севера мы пересекли несколько следов перекочевывающих нудэльчинов, направлявшихся с юга на север, да издали видели один караван. Пришедших с юга я встретил в районе Дучи хурала, затем в районе Баян булага (были аилы из-под Галбы) и в районе Хутуль усу. Вследствие плохих кормов (сравнительно) в этих районах публика не засиживалась на месте и часто меняла стойбища. Нудэльчины и только что осевшие встречались на каждом шагу. Относительно кочевков мною собрано немного сведений. Цзун сайханские аилы (с сарлыками) кочуют летом внутри гор, забираясь на большие высоты (под Тахилгу), а на зиму выкочевывают на бэль, вероятно, вследствие обилия снега в горах. Относительно южной части Шанхай улы имеются следующие сведения: кочуют нормально 5-6 раз в год. Зимой к Гоби (Цзаг сучжи, Дайчин гоби), летом на нагорье. Сумунных границ нет. В течение зимы, вследствие недостатка кормов, также перекочевывают. Нормально особо далекие кочевки бывают редко. Я сфотографировал два типичных убульчжона – один на северном склоне Ихэ номогана, другой – около Цзаг сучжи. Первый - хорошая кладка из камня, второй – из дерна и саксаула. Огромное большинство колодцев, виденных нами, неглубоки. Во многих воду можно достать рукой. Глубокими были лишь один-два колодца на линии Бугутэрин усу (считая и этот последний). В сайрах южного склона южной гряды Шанхайского нагорья вода часто идет в непосредственной близости от поверхности, выбиваясь в хорошие годы ключами наружу.

Заметка о пещере Гурбан цзэрдэ

Небольшая горная группа Гурбан цзэрдэ расположена на стыке границ хошунов Хутуг ула, Шанхай ула и Урат думда гун (Китай). Пещера находится на северном склоне крайней западной горы группы Гурбан цзэрдэ.

Отверстие пещеры находится на нижней границе верхней трети довольно крутого, но ровного, неизрезанного каменистого склона. Вблизи никаких других отверстий, карманов выветривания и тому подобного нет. Отверстие ориентировано на северо-запад и немного вверх. Ширина его – 80 см, высота – 180 см. Края неровны, иззубрены, имеют рваный, обсыпавшийся вид. Из отверстия довольно широкий колодец ведет прямо вниз, на глубину приблизительно 5 метров. Над колодцем купол, в стенке его напротив отверстия – большая ниша. Мы спускались и подымались по веревкам, привязанным к доске, положенной снаружи поперек отверстия.

Но при некоторой ловкости и навыках можно обходиться и без этих приспособлений. Дно колодца покато к Ю.-Ю.-З. и туда идет, как бы под арку, широкий и высокий ход, с крутым падением вниз. Спускаться приходится увязая в большом наносном конусе песка, перемешанного с птичьим пометом и катящегося вниз. За аркой ход расширяется в залу, имеющую ширину (от края колодца до противоположной стены по азимуту 200) – 16 метров, а наибольшую длину (по азимуту 285) – 20 метров, при высоте метра в 4. Свод куполом, форма зала – грубо эллиптическая. Пол отчасти засыпан упомянутым песком, отчасти (по краям) крупными камнями-отторженцами. Эта зала имеет продолжение на восток (аз. 60), отделенное колоссальным отторженцем-скалой. Продолжение это, клинообразно суживающееся и сходящее тупо на нет, имеет длину до 15 метров. Дно его довольно круто идет вниз. И сюда проник конусообразный язык сыпучего песка. Таково главное помещение. В большой зале, примерно напротив входа, у южной стены, имеется узкий колодец, глубиной около 2-х метров. Продолжением его служит довольно узкий, низкий проход, полого спускающийся вниз к Ю.-З.

Метрах в 8 от колодца ход этот расширяется в небольшое помещение, где можно стоять, а в дальнейшем раздваивается. Левая, южная ветка метра через 3 заканчивается тупиком. Правая, западная, тянется узким проходом метров 9-10. Здесь имеется значительное сужение. Проход так узок, что пролезть далее почти нет возможности. Осветив его возможно дальше, я отметил, что он несколько расширяется, направлен полого вниз и метра через 3 как-будто заворачивает вниз и к югу, довольно круто. Осмотреть его, несмотря на все попытки, оказалось невозможным. По всей вероятности он также заканчивается вскоре тупиком, но я этого не видел и поэтому вопрос остается открытым. Кроме этого основного хода по периферии обоих зал имеется много щелей, ходов и полостей. Пещера эта представляет собой естественную полость в известковых, частью мраморизованных толщах. Первоначально она не имела отверстия наружу, обе залы составляли одно целое. Затем произошел обвал, образовавший входной колодец и отверстие наружу. Огромная скала, оторвавшаяся от потолка, разделила основную пещеру на две части. Более мелкие обломки, скатившиеся к периферии, образовали ряд щелей, ходов и полостей. Первоначально же имелся лишь вышеописанный длинный ход и может быть еще 2-3 неглубоких ниши. Участки потолка, где произошел обвал, легко отличимы от первоначальных поверхностей рваным трещиноватым строением. Первоначальные же поверхности имеют крупнобугристое строение, представляя собой как бы систему наклепленных друг на друга полушарий. Полушария эти покрыты вторичной известковой коркой

желтовато-розового цвета, сильно шероховатой, почти пузырчатой или игольчатой на ощупь. Кроме этой корки вторичные известковые образования представлены несколькими (4-5) крупными (до 70-80 см высотой) сталагмитами и серией мелких (10-15 см) сталагмитов, имеющейся в дальнем коридоре. Сталактитов нами не обнаружено. Строение сталагмитов разное. В одном обнаружена ярко выраженная крупная листоватость, в других, включая мелкие, – кольцеобразные лучистые наложения.

Вся свободная от песка поверхность пещеры, за исключением потолка, покрыта слоем очень тонкой серой пыли, облаком поднимающейся в воздух при малейшем неосторожном движении. Пыль эта так едка, что, попадая в глотку, вызывала у многих товарищей рвоту. Вероятно она занесена ветрами снаружи, через входное отверстие. За исключением небольшого участка около колодца, во всей пещере царит полная темнота и работать нам приходилось все время при свечах. Воздух в ней сильно застоялся и длительное (2-3 часа) пребывание в пещере вызывает сонливость – признак легкого отравления. Температура в пещере значительно ниже, чем снаружи, где пекло, надо сказать, сильно. Воздух пещеры в настоящее время весьма сух, следов влаги никаких и, таким образом, образование вторичных известковых отложений безусловно не происходит. Наличие же старых образований указывает на значительно большую влажность климата в весьма отдаленные времена, может быть в те времена, когда в Гоби водились олени, жирафы, кабаны и пр. (палеонтологические раскопки Козлова в Северной Гоби 1926 года).

Пещера Гурбан цээрдэ была несомненно обитаема в течение весьма длительного периода. На это указывает сильная закопченность потолка главным образом большой пещеры. Местами сажа скристаллизовалась в сосульки, плавящиеся и горящие на пламени свечи. Определить давность обитаемости без раскопок нет возможности, а таковых мы не производили из-за отсутствия времени, необходимых приспособлений, а главное, вследствие пыли. Это – дело будущего. В различных частях пещеры были обнаружены: несколько ежей, высушенных до степени мумии, много высушенных же голубей, череп с остатками кожи, очевидно пустынной рыси, затем череп же лисицы, кости и части шкур этих животных, высушенная змея и высушенный скорпион, словом целая коллекция мумий.

Из предметов обихода человека, новейшего происхождения отмечу ланхон (лю) из под ханшина, очевидно сброшенную сверху корзину со всякой дрянью, старую монгольскую шапку, обломки палок. Во второй пещере лежал прислоненный к стене ствол саксаула. Самой интересной находкой явилась, конечно, естественная мумия человека, найденная в

комнатобразном расширении дальнего хода. Труп был прислонен правым боком к выемке в стене, над полом. Труп представляется сильно высохшим, скорчившимся. Правое бедро приведено к животу, левое слегка отведено. Грудная клетка и туловище искривлены в правую сторону. На лице и лбу сохранились частично следы кожи и связок. Черепная коробка вся покрыта черными волосами. Волосы спереди немного подстрижены. Нижняя челюсть сильно выдается вперед. Зубы почти все целы, за исключением частично выкрошившихся верхних резцов. На шее в области горла как будто имеются ножевые разрезы (?). Под челюстью и в области горла кожа и мясо обгрызены животными. Туловище сплошь покрыто высохшей кожей. Грудная клетка сильно сжата. На правом боку в области живота слегка подгрызено. Туловище, в общем, цело. Верхние конечности с верхней трети обнажены от кожи. Локтевые суставы отсутствуют. Нижние конечности частично (на бедрах) сохранили кожу. Кости сильно иструпели. Коленные суставы сохранены. Голени с нижней трети отсутствуют вместе со ступнями. На левой ноге сохранились части обеих берцовых костей, на правой малая берцовая отсутствует. Колени полусогнуты. Половой орган и железы сохранены. Заднепроходное отверстие сильно выедено.

По развитию скелета, груди и всех костей можно заключить, что труп принадлежит юноше. Давность трупа определить трудно. Но, предположительно, можно сказать, что труп лежит в пещере лет 300-400³⁰⁾.

Никаких следов одежды или утвари ни на самом трупе, ни вблизи его не найдено. Ц.Ж.Жамцарано высказал впоследствии предположение, что юноша был казнен посредством отрубания конечностей. Это отчасти подтверждается скорченностью трупа, как бы выражающей сильное страдание. Весьма любопытен следующий факт. В той самой комнате, где найден труп, имеется два крупных сталагмита. У обоих конические верхушки как бы срезаны и в центре образовавшейся плоскости сделано небольшое углубление. Получается впечатление, как-будто эти сталагмиты употреблялись либо как подставки для светильников, либо как курильницы. Несомненно одно, что это дело рук человека. Потолок этого помещения не закопчен. Сталагмиты в прочих частях пещеры сохранили коническую форму. Срезанные сталагмиты, один сбит нами целиком, а у другого сбита нами же верхушка. Оба предмета доставлены в Уланбатор, вместе с образцами известковых корок, мелких сталагмитов, камней с закопченной поверхностью и образующих пещеру известняков.

Порядок событий таков: обвал произошел весьма давно, во время

30) Труп этот находится ныне в Уланбаторском музее.

образования некоторых вторичных известковых наслоений. Населена была пещера после обвала, но быть может еще до окончания упомянутых наслоений. Кое-какие соображения указывают на это.

В окрестностях пещеры есть еще исторические памятники. К таковым относятся два огромных обо. Расположены они на крайних высоких мысах (восточном и западном) группы Цзэрдэ. Форма несколько необычна для монгольских обо (см. фотографии). Основу составляет грубая кладка из угловатых камней, составляющая сильно усеченную пирамиду (четырёхгранную). Сверху наложена небольшая кучка камней. Бока обложены камнем, образующим род небольшой ограды, расположенной у восточного обо у северного фаса, а у западного обо - у южного. В северном фаса восточного обо имеется небольшая ниша. В западном обо таковая не замечена. Зато на западном обо имеется род лесенки, винтообразно идущей наверх. Получается впечатление сторожевых башен, ориентированных в разные стороны. На плоской поверхности гряды около восточного обо есть несколько сооружений вроде херексуров. Затем (мы об этом узнали после отъезда) в окрестностях пещеры и обоих обо имеются остатки какого-то укрепления, где находят бронзовые (?) стрелы. Подробных преданий о пещере, обоих обо и укреплениях не сохранилось (по-видимому), что указывает на древность сооружений и тупа. Пещеру считают жилищем мифического “мангуса” и укрепление называют “мангусин хуриэ” или “хоро” (?). У В.А.Казакевича, бывшего в этих местах, нет никаких упоминаний ни об обо, ни о пещере, ни об укреплении. Места считаются сомнительными в смысле духов, так как имени Хуца-Хайрхана (плоская гора к западу от кол. Табун модо) упоминать нельзя, иначе подует ветер (об этом сказано и у Казакевича, а нам это сообщил проводник). Второй проводник сообщил то же самое о Гурбан цзэрдэ. В первую поездку (ночь ночевали в Табун модо) следующая ночь около Цзэрдэ была очень ветрена и на следующий день мы уехали под завывания песчаной бури. То же повторилось и в следующий раз. Первая ночь была спокойна, а к вечеру следующего дня поднялся ветер, засыпавший наши постели и, проночевав, мы уезжали опять под вой горячего ветра, свист песка и в основательную жару. С Казакевичем, судя по его отчету, произошла та же история. Вообще г. Гурбан цзэрдэ оставили плохое впечатление: сильная жара, горячий сухой ветер, все заносающий, хрустящий на зубах песок, перманентная жажда и общая усталость – первый раз вследствие бесплодных поисков, второй – вследствие тяжелого воздуха в пещере. В восточной гряде много ниш и коротких ходов, кроме того во многих местах скалы при ударе издают пустотный звук – “бунчат”, как выражались мои сотрудники. Вероятно, имеются еще более или менее

значительные пустоты. Рассказы о посещенной нами пещере ходили самые разнообразные – о необычайной ее длине и т.д., но все это, конечно, не оправдалось. Монголами она посещалась редко и залезали они туда, страха ради, компаниями. Всех пугал “покойник”.

{³¹⁾ Еще о засухе. Опрашивая о возможности переселения ряд местных жителей (таково было задание ЭКОСО), я вынес впечатление, что полного переселения не пожелает никто. Все слишком привязаны к своим нутугам и покидают их во время засухи лишь временно, так сказать с болью в душе.

В Сайхане народу в коммунах порядочно, свыше сотни. Первоначально за организацию взялся тамаган и в порядке албы силой согнал бедноту с насиженных нутугов на одно место. Можно себе представить, сколько недовольства и разговоров возбудила подобная мера. Долгое время коммуны (первоначально 2 или 3) болтались по соседству с Байшинту, что тоже не пошло им на пользу. Наконец, недавно появился инструктор (Намсарай), прошедший коротенькие курсы при Колхозотделе. Он наладил кое-какую просветработу и несколько упорядочил дело, соединив коммуны в одну и переведя их в соседстве тамагана (Баян тухум). Но все же дело обстоит неважно. Нет ничего производственного, да и неоткуда ему скоро быть. Феодалного скота мало. Засуха, верблюды сухи и, например, вопрос о переброске грузов первички (а таковая в Сайхане, *horribile dictu*³²⁾, появилась) в Сайн ноян вызывает прения: дойдут ли верблюды или нет. Несколько человек служат галчинами и заролгами в тамге. Кое-кто охотится – и все. Живут не очень важно. Уже по приезде в УБХ /Уланбатор хото/ я узнал, что они ходатайствовали о разрешении разрабатывать хрусталь и свинец в Булгане. Охотники, сопровождавшие меня в Баян цаган, были из коммуны, и один долго изливался относительно не порядков и неудобств. К сожалению мешал ветер и я почти ничего не понял.

В Шанхай уле все более парадно. Культрарбота идет бойко, сравнительно богатая литературой красная юрта, инструктор более боевой и так далее. Публика собирается строить общий кирпичный дом и сама делает кирпичи, занимаясь этим довольно усердно. Но производств, за исключением небольшого извоза, связанного с местной первичкой и ее

31) {} – текст взят из фрагментарного материала А.Д.Симукова “Полевой дневник Гобийской экспедиции 1930 года” (с.31-34 машинописного текста, АИГМ №108).

32) Страшно сказать – (лат.).

отделениями, [нет]. Зимой может быть работа по добыче каменного угля для нужд тамагана, первички и медпункта. И это, пожалуй, все. Вообще придумать что-нибудь производственное для гобийских колхозов очень трудно.

О районировании известно всем. Новые границы уже проводятся. Расспрашивая о центре Южно-Гобийского аймага, я получал ответ что Дэлгэр хангай выбран, пожалуй, неудачно. Слишком близко к северной границе. Несомненно более центральным местом был бы хотя бы ара хоолай Сайханов, около Бацзар хуйтэна. Богатые ключи, корма, автодорога из УБХ и центральное положение – вот плюсы, с которыми согласно и население. Любопытно отметить, как буквально понимается на местах бумажная разметка новых аймагов. Так, например, в Сайханах меня серьезно поправляли, когда я говорил, что “Ваш хошун отходит к Южно-Гобийскому аймагу – “...” Не весь, а 90 с чем то %”, хотя несколько процентов этих – ненаселенный западный угол, прямой линии ради отходящий к Западно-Гобийскому аймагу. Северная граница Гобийских аймагов, в смысле ландшафтном, проведена в общем правильно (Сангин далай, Салагой, Чойрэн). Вопрос о центре Восточно-Гобийского аймага для меня по-прежнему открыт.

Населению пока очень трудно свыкнуться с мыслью, что хошунов не будет. Многие с большим трудом понимают новое положение и конечно названия хошунов, как определение места, еще просуществуют довольно долго.

О МНЦК. База в Хояр улцзэйту была удачна для 3-х хошунов: Хояр улцзэйту, Хоток и Шанхай. Сайхан был уже далек. Теперь ее переводят к Дэлгэр хангаю, и она должна обслуживать Южно-Гобийский аймаг. При нас товаров было довольно много. Снабжение первичек зависело от их своевременных запросов и транспорта. В первичках вообще дела обстояли хуже. Отвратительно в некоторых с отчетностью. Очевидно, есть растраты. При нас сгорела первичка Хояр улцзэйту, причем еще до этого на базе был разговор, что они не досчитают 4-5 тысяч. Сгорели документы, товар, большая часть сырья (шерсти). Тамга отнеслась очень мягко – свои ! База же определенно подозревает поджог. Первички любят забирать товар, не учитывая потребности в нем – лишь бы база давала.

Интересно, что Уланбатор счел нужным в числе товаров прислать ... шелковые дамские чулки. Стормонга в районе нет вовсе.

В Шанхай уле имеется медицинский пункт 3-ей медсанэкспедиции СССР в Монголии, с небольшим стационаром. Популярность его ограничивается тамгой с поселком (коммуна, пионеры и т.д.) и ближайшими окрестностями (15-20 верст радиусом). Больных, конечно, очень немного.

Но важность наличия пункта здесь не в этом. Персонал – врач, сестра, переводчик и санитар в одном лице и повар-китаец. Несколько юрт и все.

Настроения юга хорошо выражены в докладе Л.С.Пучковского. Мне прибавлять почти нечего. Тамаганное начальство теперь в Сайханах не местное. Даргу я не видел, а зам. – Гендун - родом из Намнан улы. В свою очередь, Юндун цзанги работает в Хан ундуре. Мера эта весьма уместна и может быть ее следовало бы провести в большинстве южных хошунов. По крайней мере ангиин тулелехчи [охотничий инспектор] в Сангин далае, Юндун намекал на это же по отношению к Шанхай уле, хотя я ни в чем не могу упрекнуть даргу этого хошуна, Батоцзаба. О настроениях мне говорил как-то и Кислицын, говоря о повороте в его районе на 90° в плохую сторону. К сожалению, я не видел Дорджи, а следовало бы поболтать с ним о разных разностях}.

Монгольская терминология растений

(более полно она приведена в моей работе “Гобийские пастбища Монгольской Народной Республики”).)

Хармаг, сундул	<i>Nitraria Schoeberi, N. Sphaerocarpa</i>
Багалур	<i>Anabasis brevifolia</i>
Дэрисун	<i>Stipa splendens</i>
Тэск	<i>Eurotia ceratoides</i>
Тана (главным образом)	<i>Allium polyrhizum</i>
Хилагана	<i>Stipa gobica</i>
Шара бударгана	<i>Kalidium gracile</i>
Хара шабаг	<i>Artemisia sacrorum</i>
Арца	<i>Juniperus sabina</i>
Буйлэсу	<i>Amygdalus pedunculata</i>
Сульхир	<i>Agriophyllum gobicum</i>
Нохой ширин	<i>Zygophyllum xanthoxylon</i>
Хайлясу	<i>Ulmus pumila</i>
Цзагсагал	<i>Salsola laricifolia? Zygophyllum sp.?</i>
Хотор	<i>Zygophyllum sp.</i>
Шара модо	?
Улан бударгана	<i>Reaumuria soongorica</i>
Яшил модо	?
Цзаг (саксаул)	<i>Haloxylon ammodendri</i>
Боро бударгана	<i>Salsola gemmascens</i>

Сухай (тамариск)	<i>Tamarix sp.</i>
Торлаг	<i>Calligonum mongolicum</i>
Долган модо	?
Шара шабаг	<i>Artemisia arenaria</i>
Хумуль	<i>Allium mongolicum</i>
Улэн	<i>Carex (stenophylla?)</i>
Хацзар	<i>Diplachne serotina (squarrosa?)</i>
Цулбур убус	(какой-то песчаный злак)
Боро шабаг	<i>Artemisia xerophytica</i>
Боролзай	<i>Tanacetum trifidum (achilleoides?)</i>
Шивэ	<i>Aristida adscensionis</i>
Хуйрик	<i>Potaninia mongolica</i>

Литература

1. А.Д.Симуков. “Географический очерк МНР”.
2. В.А.Казакевич. “Предварительный отчет о поездке 1923 г.”.
3. В.А.Казакевич. “Центральная Гоби и Золотой караул”.
4. М.В.Певцов. <...>.
5. П.К.Козлов. “Монголия и Кам”.
6. П.К.Козлов. “Монголия, Амдо и мертвый город Харахото”.
7. А.Н.Казнаков. “Мои пути по Монголии и Тибету”.
8. Н.М.Пржевальский. <...>.
9. Н.М.Пржевальский. <...>.
10. Материалы экспедиции Р.Ч.Эндрюса. <...>.
11. З.А.Лебедева. <...>.
12. Н.П.Иконников-Галицкий. <...>.
13. П.М.Васильевский. <...>.
14. А.Д.Симуков. Дневник за 1931 г.
15. А.Д.Симуков. Дневник за 1932 г.
16. А.Д.Симуков. “Гобийские пастбища МНР”.
17. А.Д.Симуков. “Кочевки и хотоны Гурбан сайханского района Южно Гобийского аймага”.
18. А.Д.Симуков. “Географический очерк гобийской окраины МНР”.
19. А.Д.Симуков. “Маршрут Уланбатор – Удэ – Байшинту - Уланбатор”.
20. С.А.Кондратьев. “Гобийская экспедиция Ученого Комитета в 1929 году”.